

Макс Глебов

ЗАПРЕТ НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО

ТАКТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Запрет на вмешательство

Макс Глебов

Тактический уровень

«Макс Глебов»

2019

Глебов М. А.

Тактический уровень / М. А. Глебов — «Макс Глебов»,
2019 — (Запрет на вмешательство)

Младший лейтенант Петр Нагулин вырвался из Уманского котла, но проблем у него только прибавилось. Генерала Музыченко, на помощь которого он рассчитывал, самолетом увозят в Москву для проведения расследования обстоятельств гибели двух армий, а сам Петр попадает в фокус пристального внимания НКВД. Тем временем на фронте назревает новая катастрофа, по сравнению с которой поражение под Уманью - лишь прелюдия. Танки Гудериана и Клейста стремятся замкнуть гигантские клещи вокруг войск Юго-Западного фронта, обороняющего столицу Советской Украины...

© Глебов М. А., 2019

© Макс Глебов, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Макс Глебов

Тактический уровень

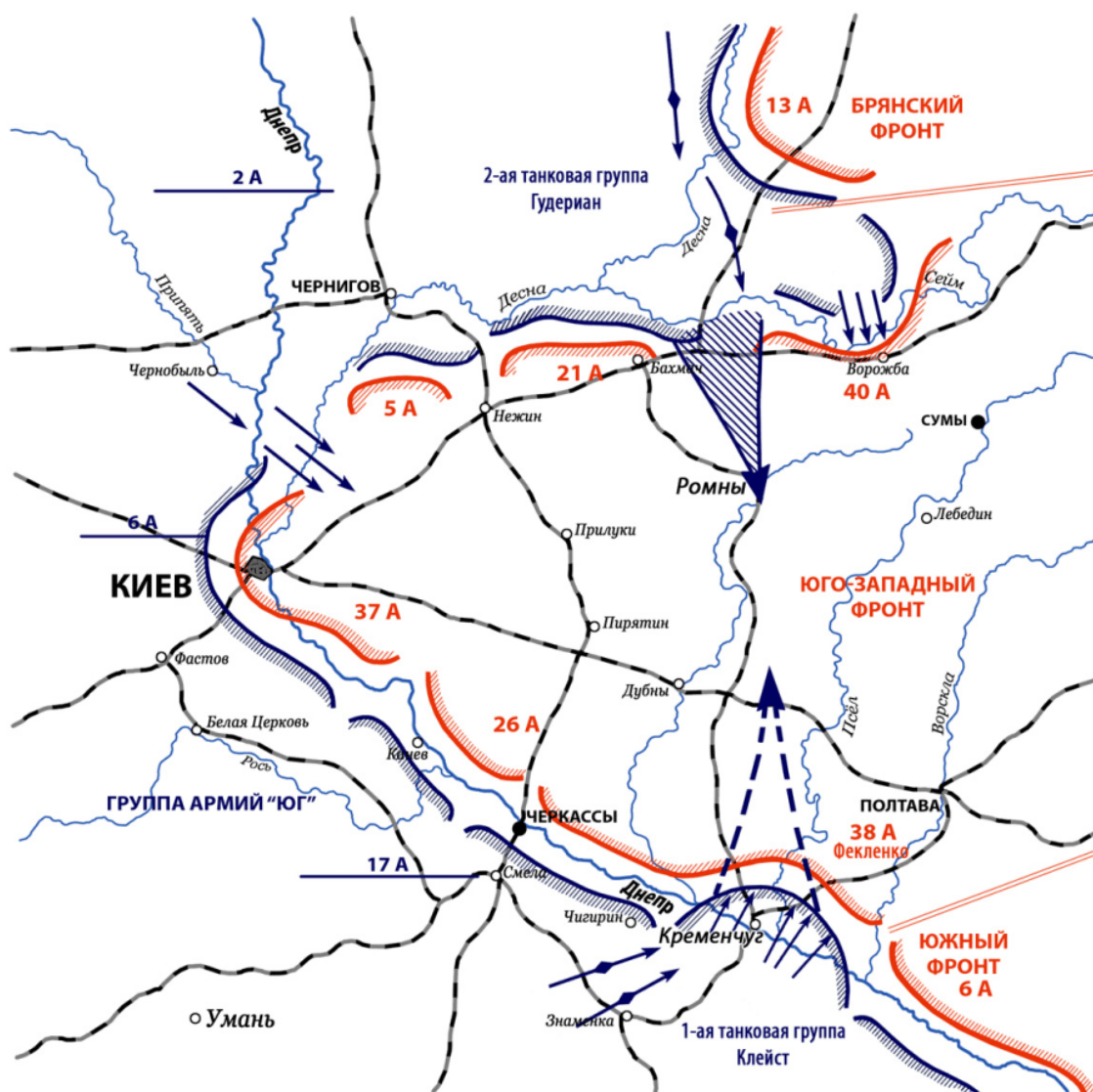
Глава 1

Днепр к северу и к югу от Киева изобилует островами, а его ширина даже в самых узких местах составляет около километра. Именно с этой рекой в августе сорок первого руководство Красной Армии связывало надежды на создание прочной обороны, опираясь на которую оно рассчитывало удержать Киев.

С орбиты ситуация выглядела для русских войск весьма печально, хотя на местах командующим фронтами она могла казаться не столь угрожающей. Немецкая шестая армия начала штурм Киевского укрепрайона и основательно вклинилась в советскую оборону, но ввод в бой свежих дивизий позволил Красной Армии к середине августа восстановить положение, отгеснив противника и деблокировав бетонные укрепления, гарнизоны которых почти неделю сражались в окружении. Этот успех, похоже, заставил товарища Сталина и его генералов поверить в способность войск Юго-Западного фронта удержать столицу Советской Украины, однако ситуация на фронте вновь резко изменилась.

Убедившись в том, что, несмотря на взятие Смоленска, сломить упорное сопротивление советских войск не удастся, командование вермахта сочло невозможным дальнейшее наступление на Москву без ликвидации угрозы с фланга, со стороны армий Юго-Западного фронта, которые все еще упорно обороняли киевский выступ. Двадцать четвертого августа танковая группа¹ Гейнца Гудериана, и пехотная армия Максимилиана фон Вейхса развернулись на юг и начали наступление с целью окружения русских войск, защищавших Киев. Ослабленные предыдущими боями советские дивизии не смогли остановить танковый кулак вермахта, но с востока во фланг моторизованным соединениям Гудериана все же наносились энергичные контрудары, отвлекавшие его силы и замедлявшие продвижение на юг. Возможно, с одним Гудерианом, даже поддержанным пехотой Вейхса, Юго-Западный фронт смог бы справиться, и, если и не победить, то хотя бы не дать себя окружить. Судя по всему, командование Красной Армии искренне верило в то, что этим ударом немцы и ограничатся, поскольку на южном фланге обороны Киева столь же мощной танковой группы у противника не имелось. На самом же деле советские генералы вновь недооценили способность вермахта к быстрым и неожиданным маневрам подвижными соединениями.

¹ Танковая группа – оперативное объединение, которое привычнее было бы называть танковой армией. Этот термин использовался в вооруженных силах нацистской Германии во время Второй мировой войны. В танковой группе насчитывалось до тысячи танков, сведенных в два-четыре корпуса. Всего в танковую группу входили до 5 танковых, три-четыре моторизованных и до шести пехотных дивизий.

Положение советских и немецких войск на начало сентября 1941 года. Синяя заштрихованная стрела – удар танковой группы Гейнца Гудериана, нанесенный в первых числах сентября. Синяя пунктирная стрела – планируемый удар с Кременчугского плацдарма танковой группы Эвальда фон Клейста (в реальной истории он состоялся 12 сентября и привел к замыканию Киевского котла).

Одновременно с ударом Гудериана пришли в движение огромные массы танков, артиллерии и автомашин в немецкой группе армий Юг. Спутники во всей красе демонстрировали мне растянувшиеся на десятки километров колонны техники танковой группы генерала Эвальда фон Клейста, форсированным маршем стягивавшиеся к южному флангу киевского выступа. Да, пока они еще находились на западном берегу Днепра, и для того, чтобы нанести удар с юга навстречу танкам Гудериана, им требовалось переправиться на один из захваченных ранее плацдармов. Однако, судя по количеству инженерной техники, стягиваемой к реке, задача эта была немцам вполне по силам, хоть и требовала использования почти всех имевшихся в их распоряжении переправочных средств. Для такой массы техники был необходим километровый понтонный мост, способный выдержать танки.

Я видел, как вокруг русских армий затягивается смертельная петля, но что может сделать в такой ситуации младший лейтенант, ожидающий в неглубоком тылу направления в новую часть?

* * *

Наш прорыв из окружения был встречен командованием весьма неоднозначно. За генералом Музыченко и комдивом Соколовым практически сразу прибыли сотрудники НКВД из особого отдела Южного фронта, а всех остальных, вырвавшихся из котла, отвели в тыл на переформирование. Но это не значит, что нас оставили в покое. Через неделю к особистам вызвали и меня.

– Присаживайтесь, товарищ Нагулин, – кивнул батальонный комиссар, выслушав мой доклад, – беседа нам предстоит долгая.

Я молча опустился на табурет напротив стола особиста и изобразил на лице сосредоточенное внимание. Обращение «товарищ Нагулин» меня несколько напрягло, но спасибо хоть не просто «Нагулин». Если все-таки «товарищ», то немедленного обвинения в чем-то несовместимом с жизнью и свободой можно пока не ждать.

– Вы ведь совсем недавно были рядовым красноармейцем, товарищ Нагулин, ведь так?

Я хотел ответить, но комиссар остановил меня, приподняв ладонь.

– И в младшие лейтенанты были произведены уже в окружении личным приказом командующего шестой армией. Несколько необычно, не находите?

– Обсуждение решений командующего армией выходит за рамки моих полномочий и компетенции, товарищ батальонный комиссар, – включил я дурака, сохраняя на лице нейтральное выражение.

– В этом вы, несомненно, правы, товарищ Нагулин, но все же. Есть мнение, что командарм поторопился, и принял это решение под давлением обстоятельств, не имея возможности тщательно взвесить все «за» и «против».

Я молчал, а комиссар внимательно наблюдал за моей реакцией.

– Сейчас особым отделом фронта проводится расследование, – доверительным тоном сообщил мне особист. – Шестая и двенадцатая армии, фактически, перестали существовать. Я не могу сообщить вам точные цифры – информация секретна – но последствия таковы, что вероятность измены в высшем руководстве армий весьма велика.

– Товарищ... – тут уж отмалчиваться было нельзя, но особист опять меня остановил жестом руки.

– Я знаю, что вы хотите сказать, товарищ Нагулин. Но, поверьте мне, с позиции рядового бойца и даже командира взвода ситуация выглядит совсем не такой, какой она видится на уровне армии и, тем более, фронта. Так что не торопитесь с высказываниями, а лучше пока послушайте меня.

Я послушно умолк.

– Собственно, к действиям вашего взвода и к вам лично ни у кого претензий нет, хотя вопросы имеются, но это тема отдельного разговора, – продолжил комиссар. – Более того, скорее всего, по результатам расследования ваше новое звание будет утверждено приказом командующего фронтом. Но это решение будет зависеть от ваших ответов на мои вопросы – правильных ответов, товарищ Нагулин. Вы меня понимаете?

– Да, товарищ батальонный комиссар. Не сомневайтесь, я понимаю всю важность проводимого расследования, и мои ответы будут правдивыми, даже если эта правда представит меня и моих людей в невыгодном свете, – я продолжал изображать не слишком умного, но зато предельно честного бойца, искренне стремящегося помочь следствию, но не знающего, как это сделать.

– Очень хорошо, – слегка поморщился особист. Он явно хотел услышать несколько иной ответ, но комментировать мои слова не стал, – тогда приступим. Какую задачу поставил перед вами генерал-лейтенант Музыченко?

– Сформировать взвод противовоздушной обороны для прикрытия «колонны особого назначения», в составе которой должен был выходить из окружения штаб шестой армии.

– И вы эту задачу выполнили, – утвердительно кивнул особист. – А теперь скажите мне, товарищ Нагулин, кто дал вам указание привлечь в свой взвод в качестве средств усиления технику и людей, превративших его, фактически, в сводную роту?

Вот оно как. Товарищ батальонный комиссар изволил копать под генерала Музыченко, и явно делает это не по собственной инициативе, а по приказу сверху. А сдавать генерала очень не хочется...

– Инициатива исходила от меня, товарищ батальонный комиссар. Я стремился выполнить приказ наилучшим образом. Заявки на получение усиления я подавал своему непосредственному начальнику майору Свирскому. Как по ним принимались решения дальше, я не знаю, но людей и технику я в большинстве случаев получал.

– К сожалению, майора Свирского мы спросить уже ни о чем не сможем, – покачал головой особист, – он погиб при прорыве немецкого заслона у села Емиловка. Но не думаю, что без санкции командующего армией майор мог изымать из не подчиненных ему подразделений и частей средства усиления для вашего взвода, ведь так?

– Я не располагаю этой информацией, товарищ батальонный комиссар.

– А вы подумайте, товарищ Нагулин, – усмехнулся особист, – уставы этого не запрещают. Попробуйте взглянуть на ситуацию шире, выйдя за рамки поставленной перед вами задачи. Вот вы – младший командир, и ваши действия мне вполне понятны. У вас есть приказ, и, как вы сами сказали, вы стремитесь выполнить его наилучшим образом, для чего просите себе во взвод зенитки, броневедомость, грузовики и пулемет ДШК. Если смотреть с позиции командира взвода – это разумно и правильно. А теперь давайте посмотрим на эти действия с иной точки зрения. Армия готовится к прорыву из окружения. Исправной техники, боеприпасов и горючего осталось мало, но при этом для формирования штабной колонны из подразделений и частей изымается все лучшее. В результате мы получаем механизированный батальон, укомплектованный техникой сверх всякой меры, щедро снабженный горючим и боеприпасами. А на другой чаше весов – огромная масса войск, оставленных без самого необходимого для ведения боевых действий. Даже группы прорыва снабжаются хуже, хотя штабная колонна следует за их спинами. И каков результат? А результат таков, товарищ Нагулин, что из всей армии, доверенной Родиной генерал-лейтенанту Музыченко, из котла вырывается только один батальон с командармом во главе, а вся шестая армия остается в котле без средств для продолжения эффективного сопротивления, и к своим выходят только разрозненные группы и одиночные красноармейцы и командиры. Вы знаете, сколько людей, кроме вашего батальона, смогли выйти из котла?

– Не могу знать, товарищ батальонный комиссар.

– А я знаю! И знание это меня очень не радует, товарищ Нагулин, и заставляет задуматься о том, кто виноват в произошедшем.

Отказать особисту в логике я не мог. Дело другое, что однозначно валить всю вину на Музыченко было тоже неправильно. Начать с того, что вместо удержания всеми силами Первомайская восемнадцатая армия отошла на юг, а руководство Южного фронта даже не предупредило об этом окруженных. Я уж молчу о том, что в самые критические моменты армии в котле не только не имели поддержки авиации, но даже не получали от командующего фронтом никаких приказов.

Комиссар истолковал мое молчание по-своему.

– Вижу, вы начинаете понимать ситуацию, товарищ Нагулин, – удовлетворенно констатировал он, – Итак, вы подтверждаете, что получили от генерал-лейтенанта Музыченко приказ сформировать усиленный взвод ПВО, не считаясь с потерей боеспособности частей, из которых будут изъяты техника и боеприпасы для вашего подразделения?

– Я не получал приказа оценивать боеспособность подразделений, из которых изымалась техника, – играть дальше в молчанку было уже невозможно, – Я даже не знал, откуда она ко мне поступала. Этими вопросами занимался майор Свирский.

– Но вы ведь неглупый человек, Нагулин, – покачал головой особист, сдерживая раздражение, – и должны были понимать, что забрать технику у подразделений без снижения их боеспособности невозможно.

Особист активно подталкивал меня к даче обвинительных показаний против Музыченко. Конечно, слова младшего лейтенанта сами по себе не могли сыграть решающей роли, но в совокупности с другими «фактами» были вполне способны утопить командарма. Что ж, простите меня, погибший в бою товарищ Свирский, придется мне использовать ваше имя, чтобы защитить генерала Музыченко. Иначе никак не объяснить, откуда у меня информация, полученная со спутников в результате радиоперехвата переговоров между Музыченко и Понеделиным.

– Это вопрос не лейтенантского уровня, товарищ батальонный комиссар, – ответил я после небольшой паузы, – Тем не менее, майор Свирский счел возможным вкратце объяснить мне причину сбора уцелевшей техники в штабной колонне.

– Очень любопытно, товарищ Нагулин, – особист даже подался вперед на своем стуле, – и что же сказал вам ваш непосредственный начальник?

– Он сообщил, что командующим всеми окруженными силами назначен командарм-12 генерал-майор Понеделин, и что генерал Музыченко фактически отстранен от планирования и организации операции по выходу из котла. Однако, по его словам, генералу Музыченко была поставлена задача обеспечить прорыв штабной колонны шестой армии к войскам Южного фронта и наладить с ними координацию усилий по удержанию пробитого коридора и последующему выводу из котла оставшихся войск окруженных армий. У меня не возникло никаких сомнений в том, что ради этой цели в «колонне особого назначения» должна быть сконцентрирована лучшая часть оставшейся в строю техники.

Особист поскущел. Некоторое время он молча обдумывал мои слова, а потом произнес:

– На сегодня достаточно, товарищ Нагулин. Сейчас вы изложите свои показания в письменной форме и можете быть свободны. Наш разговор еще не окончен, но продолжим мы его несколько позже.

* * *

Особый отдел НКВД Южного фронта располагался в Днепропетровске. Доверять собранные сведения телефонной связи батальонный комиссар Кириллов не рискнул, и отправился к начальству лично. Кабинет товарища Сазыкина находился на третьем этаже здания дореволюционной постройки на Октябрьской площади, куда Кириллов и прибыл ближе к полудню.

– Ну что, батальонный комиссар, есть результаты? – начальник особого отдела вышел из-за стола и протянул руку подчиненному.

– Есть, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, – кивнул Кириллов, пожимая руку Сазыкина, – но не совсем те, на которые мы рассчитывали.

– Что накопал?

– Подтверждаются показания Музыченко и Соколова. Ефрейтор Нагулин, произведенный в младшие лейтенанты приказом командарма-6, утверждает, что при постановке задачи его непосредственный начальник майор Свирский сообщил ему также задачу всей «колонны особого назначения». Зачем он это сделал, и откуда сам узнал эту информацию, остается неяс-

ным, а самого его уже не спросишь, но слова Нагулина совпадают с показаниями генерал-лейтенанта и комдива.

– Бумаги у тебя с собой?

– Да, все, что собрал – здесь, – Кириллов слегка хлопнул ладонью по кожаному портфелю.

– Оставишь мне. Пришел приказ из Москвы. Музыченко и Соколова у нас забирают. В шестнадцать часов за ними прилетит самолет, так что это дело теперь уйдет на самый верх, в Управление, а наша задача – передать руководству все имеющиеся наработки.

– Есть! – Кириллов открыл портфель и начал извлекать из него картонные папки. – А что с остальными окруженцами?

– Все, как обычно, – пожал плечами Сазыкин, – Допросим, и если не выявим предательства, передадим в службу кадров. У нас дивизии по три тысячи человек, так что им быстро место найдется.

– Нагулина тоже на переформирование? Его Музыченко в своих показаниях выделял особо, и даже написал на него и его людей представления к государственным наградам.

– Какие награды, батальонный комиссар? Две армии и мехкорпус сгинули в котле! Забудь. Пусть радуются, что в живых остались.

– Товарищ комиссар государственной безопасности третьего Ранга, разрешите мне поработать с Нагулиным более тщательно. Очень необычный боец. Лично сбить несколько самолетов противника не каждый может. Немецким владеет без акцента. Люди, которые с ним из окружения выходили, вообще, сказки какие-то рассказывают про его слух и зрение...

– Это не наше дело, товарищ Кириллов. У вас есть основания подозревать Нагулина в измене, преступной трусости или сотрудничестве с врагом?

– Прямых улик нет, но...

– Я знакомился с его делом, батальонный комиссар – меня этот случай тоже заинтересовал, но боец, лично уничтоживший столько фашистов, не может работать на противника. Железные подтверждения этих фактов присутствуют не всегда, но и того, что видели десятки красноармейцев и командиров, более чем достаточно.

– А если он работает не на немцев? Есть ведь еще союзники и нейтральные страны. В этом случае немецкие потери могут быть ему только на руку. Он очень хорошо подготовлен. Это отмечают капитан Щеглов и сержант Игнатов. Это же утверждает снайпер Серова и сержант Плужников, а он, напомню, из нашего ведомства. Я уж молчу о красноармейцах Чежине и Шаркове, чье мнение можно было бы и не учитывать, если бы оно не совпадало с остальными. А где он мог пройти такую подготовку? В тайге, стреляя по белкам? Не верю!

– Я думал об этом, – кивнул начальник особого отдела, – Не сходится. Никто и никогда не стал бы внедрять агента с такой подготовкой настолько топорным способом – слишком велик риск потерять ценного специалиста. Да и нужен ли американцам или англичанам агент на передовой советско-германского фронта? Затраты ресурсов на подготовку операции такого уровня несопоставимы с возможными выгодами. В общем, так! Отправь его к кадровикам, но наблюдения не снимай. Пусть пока им занимаются те, на кого командованием возложены соответствующие обязанности, а там посмотрим. Дадим ему возможность себя проявить не в условиях котла, когда живых свидетелей его художеств почти не осталось, а в более контролируемой ситуации. Единственное что... шепни им там, чтобы Нагулина определили в одну часть с людьми из его взвода. Мы с ними уже работали, да и расширять круг лиц, знающих о нашем к нему интересе, пока не стоит.

– А его звание?

– А что звание? У нас есть приказ командующего шестой армией. Комфронта Тюленев его не отменял. Сам Музыченко тоже пока ни в чем официально не обвинен, а с этими показаниями, – Сазыкин кивнул на папки на своем столе, – скорее всего, обвинен и не будет, задачу-то он честно выполнил, так что все обвинения достанутся сдавшемуся в плен генералу Поне-

делину. Вот пусть и командует Нагулин, раз уж заслужил, тем более что при прорыве его взвод проявил себя с наилучшей стороны. Наградить не можем, так хоть кубик в петлице сохраним. Все, батальонный комиссар, свободен. Мне еще дела Музыченко и Соколова к передаче в Москву готовить.

* * *

Возникшая передышка позволила мне подвести некоторые итоги и оценить свои действия. Нельзя сказать, что я остался ими доволен. Да, вырваться из котла удалось, и это несомненный плюс, но, как показала практика, я имел все шансы там и остаться, словив случайную пулю или осколок, а то и просто попав в плен. В финальной части прорыва я окончательно утратил контроль над ситуацией, и если бы не Музыченко, оперативно организовавший ракетно-артиллерийский удар по зажавшему нас моторизованному батальону, ничем хорошим бы эта история для меня и моих людей не закончилась.

Пока я действую на тактическом уровне, ничего толкового добиться не получится. Сколь угодно точный стрелок, исключительно эффективный разведчик или диверсант – все это замечательно, но не тянет больше чем на капитана, ну, в самом благоприятном варианте, на майора. Это не значит, что пользоваться этими преимуществами нет смысла, но не на них мне нужно делать акцент. В моем распоряжении есть сеть сателлитов, потенциал которой гораздо шире тех возможностей, которые я уже использовал. В силу обстоятельств я не мог внятно распорядиться обширными данными о ходе боевых действий на всем фронте, и был вынужден ограничиться пределами Уманского котла, а чаще несколькими километрами вокруг места, где в текущий момент находился. Теперь же, вырвавшись из окружения, я получил некоторый простор для выбора. Естественно, никто не спросит младшего лейтенанта, и хорошо, если не ефрейтора, о том, где он желает применить свои полководческие таланты, но, по крайней мере, сейчас вопрос элементарного выживания не отбирает у меня все имеющееся время и силы, так что можно спокойно обдумать ситуацию.

Для начала о самой спутниковой сети. Я использую ее, как водитель местного автомобиля, совсем недавно севший за руль. Более-менее знаю, какие ручки дергать, что крутить и куда жать, но понятия не имею, как все это работает и как отрегулировать двигатель и подвеску, чтобы работало лучше. Оно и понятно – я пилот космического истребителя, а не ученый. Да, чего-то нахватался от Летры, но это слезы по сравнению с тем, что знали специалисты, занимавшиеся исследованием земной цивилизации. Я раньше даже не задумывался о том, откуда берется информация, сопровождающая картинку со спутников.

Я видел с орбиты, скажем, танковую колонну, ползущую по шоссе. Ну, колонна и колонна, дальше-то что? Но вычислитель сразу же подсказывал мне, что это, к примеру, машины танковой дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», а иногда и указывал конечную точку их маршрута. А фамилии командиров частей? Их я тоже видел в комментариях, но откуда их брал вычислитель? На технике не написаны номера частей и фамилии командующих. Я, конечно, понимал, что до того, как я оказался на планете, исследования шли уже много лет, и в базах данных скопилась обширная информация, которую мог обрабатывать вычислитель для дополнения данных с орбиты, но некоторые детали просто невозможно выяснить одним лишь наблюдением сверху. Несомненно, есть еще радиоперехват, который сеть сателлитов ведет в непрерывном режиме. Взлом местных шифров труда не составляет, но даже это объясняет не все, хоть и многое.

Откуда, например, подробная информация о конструкции оружия и техники? Тот же финский пистолет... Я ведь, когда разбирал это оружие, имел перед глазами трехмерную модель со всеми подробностями его устройства и функционирования. Откуда? Ответ напрашивается сам – кроме спутников есть что-то еще. Полковник Нивен ничего мне об этом не

сообщил, просто не успел, наверное, но Летра говорила о том, что для сбора данных на других планетах используются дроны, оснащенные генераторами маскировочных полей. О том, что эти беспилотные аппараты применяются и на Земле, она не упоминала, но если ученые с других исследовательских баз использовали их для получения информации, то почему не предположить, что и здесь они тоже есть, причем продолжают функционировать и сейчас, пересылая собранные данные на орбиту? Вполне вероятно. Дело другое, что я не знаю, как ими управлять, а, возможно, и не имею нужных кодов доступа.

Документация по сети спутников в памяти вычислителя имелась, но разобраться с ней в полном объеме я не успел, что и неудивительно. Летра, например, прежде чем занять свою должность, четыре года училась в Метрополии, причем, по ее рассказам, закончить обучение смогли далеко не все из тех, кто его начал. Самые необходимые настройки я делать умею, но дальше... В общем, похоже, что наиболее полное освоение попавшего мне в руки высокотехнологичного инструмента должно стать одной из главных задач на ближайшее время, если, конечно, моих знаний и подготовки на это хватит.

Глава 2

Из окна палаты военного госпиталя в Дрездене был виден уютный дворик с аккуратными скамеечками, окруженными зеленью тщательно подстриженных кустов. Эриху фон Шлиману этот вид уже успел изрядно надоест, и когда массивные ворота открылись, впуская во двор черный «мерседес», он даже немного обрадовался этому новому штриху в скуке последних дней. Через несколько минут за дверью послышались шаги, и вслед за врачом в палату вошел полковник Генрих Рихтенгден в наброшенном поверх мундира белом халате.

Майор поднялся ему навстречу. Последние дни это давалось ему относительно легко.

– Рад видеть тебя Эрих, – без улыбки произнес полковник, – Я боялся, что все гораздо хуже.

– Герр оберст, – обратился к гостю доктор, – Майор Шлиман перенес серьезную контузию. Очень вас прошу, постарайтесь не заставлять его нервничать.

– Я учту, – кивнул полковник, и доктор тихо вышел, прикрыв за собой дверь.

– Как себя чувствуешь, Эрих?

– Ты совершенно прав, могло быть хуже, – пожал плечами майор, – Знаешь, Генрих, я не предполагал, что коммунисты могут действовать так оперативно. Этот шквал огня... Мой батальон просто смели.

– Русская реактивная артиллерия, – поморщился полковник, – Пока у них ее мало, но, похоже, командование противника делает ставку на это оружие. Наши «небельверферы» бьют точнее, но у большевиков выше дальность стрельбы и больше снарядов в залпе. Неприятная штука.

– Я имел возможность убедиться в этом на собственной шкуре, – кивнул Шлиман.

– Что там случилось, Эрих? Показания выживших не слишком проясняют картину. Русский стрелок ушел?

– Скорее всего, да, герр оберст. Если, конечно, его не зацепило случайным осколком. Я приказал своим людям в него не стрелять – хотел взять живым, но русские ударили с такой силой, что могло произойти все, что угодно.

– Это плохо, Эрих. Очень плохо. Думаю, ты должен понимать всю глубину неприятностей, которые ждут нас в ближайшем будущем. О нашей операции уже стало известно в верхах, и теперь, если русские запустят в производство свое новое оборудование для стрельбы...

– Все не так ужасно, Генрих, – На лице Шлимана появилась легкая улыбка.

– Вот как? – недоверчиво переспросил полковник.

– Нет никакого оборудования, герр оберст, – в голосе майора звучала уверенность, – я видел, как он стрелял из зенитной пушки. Там открытая платформа, даже щита нет, и мне удалось рассмотреть все в деталях. У стрелка не было никаких специальных приспособлений, и зенитка выглядела совершенно стандартной. Это просто один человек. Да, он гениальный стрелок, но дело не в приборе, который можно дать каждому солдату, а исключительно в его личных качествах или особых способностях. Но он всего один, понимаешь? Единственный уникальный экземпляр во всей большевистской армии, а один стрелок, каким бы хорошим он ни был, не сможет определить исход войны, особенно если его вовремя остановить.

– Ты в этом уверен, Эрих? – задумчиво произнес полковник, – Он ведь стреляет, не видя цели. Не на слух же! Хотя... Если нет оборудования, то, может быть, это какие-то медикаменты, на порядок усиливающие восприятие?

– Тогда почему он только один, Генрих? Нет, дело не в химии. Да и сложно себе представить, какой силы должен быть препарат, чтобы так усилить слух и зрение. Русский демонстрировал свои способности слишком долго. Если бы все это время он сидел на мощных стимуляторах – давно бы сдох, чудес-то не бывает.

Полковник какое-то время молчал, обдумывая услышанное, но Шлиман видел, что лицо Рихтенгена постепенно разглаживается, как будто с него сняли непосильный груз и сказали, что дальше его нести уже не нужно.

– Я уверен, что смогу его найти и закрыть для Германии эту проблему раз и навсегда, – на лице Шлимана застыло выражение мрачной решимости.

– Месть, Эрих? – усмехнулся Рихтенген. – Похоже, этот русский смог задеть тебя за живое.

– Он всего лишь дикарь, Генрих, но дикарь опасный, и его требуется остановить прежде, чем он убьет сотни наших солдат.

– Ну-ну... – неопределенно произнес полковник, – Выздоровливай, Эрих. Ты сообщил мне очень важные сведения, и я уверен, наверху их высоко оценят. Думаю, твое личное участие в охоте за русским стрелком будет одобрено. В любом случае, буду держать тебя в курсе.

* * *

Звание мне подтвердили. В кадровом управлении я получил новенькое удостоверение и направление в трехсотую стрелковую дивизию, а точнее, в ее отдельную разведывательную роту, что меня несколько удивило, но увидев в предписании фамилию своего нового командира, я лишь усмехнулся. Капитан Щеглов, похоже, добился-таки своего, а я, признаться, был этому только рад.

Сержанта Плужникова увезли в тыл. Я успел заскочить к нему в полевой госпиталь, и он сказал, что осколок зацепил что-то серьезное, и в строй он теперь вернется в лучшем случае месяца через три. А вот Чежин и Шарков отправились к новому месту службы вместе со мной, и тут уж явно не обошлось без чьего-то ненавязчивого вмешательства. «Панцербюксе» у меня отобрали практически сразу, несмотря на все мои настойчивые просьбы, но «Вальтер» я все-таки припрятал и отдавать не стал. Зато теперь мне, как будущему командиру разведвзвода, выдали пистолет-пулемет Шпагина и «Наган». Стрелять прицельно из этого оружия было крайне сложно, но для ближнего боя и ППШ, и револьвер подходили неплохо.

– Ну, здравствуй, Нагулин – с довольной улыбкой ответил на мой доклад Щеглов, – Вот уж не ожидал, что так скоро свидимся. Честно скажу, рад тебе, как родному. Из моих людей, с кем войну начинал, остались только Игнатов и Никифоров. А как тебя в разведку-то занесло? Я уж думал тебе в ПВО дорога, а тут вон как вышло.

– Трудно сказать, товарищ капитан. Я-то думал, что это вы рапорт написали с просьбой меня к вам определить...

– Да кому мой рапорт нужен, Нагулин? – усмехнулся Щеглов, – стал бы меня кто-то слушать, как же.

– Со мной вместе к вам моих бойцов из расчета противотанкового ружья направили.

– Чежин и Шарков? – кивнул капитан, – Нормальные бойцы. Не разведчики, конечно, но такое прошли, что мы их быстро натаскаем. Пушку твою немецкую отобрали?

– Сказали, что не положено.

– Жаль. Хорошая штука была... Хотя на кой она разведчику?

– Я бы нашел ей применение.

– Не сомневаюсь. Ты, Нагулин, и морской мины в разведке дело найдешь – тебе только дай.

Я улыбнулся. Щеглов выглядел усталым, но собранным и деловым. Было видно, что его роту командование гоняет в хвост и в гриву, но руки капитан не опускает.

– Примешь второй взвод, – перешел к делу мой новый командир, – там пока Игнатов командует, но это не сержантская должность, хотя службу он знает.

– Есть!

– До вечера тебе время на раскачку, а дальше буду спрашивать по полной. Нам тут прохлаждаться не дают. Командование трясет постоянно и требует информацию о противнике. Немцы заняли Кременчуг, захватили плацдарм на нашем берегу Днепра и переправляют на него пехотные части. Наши пытались держать крупные острова, их тут хватает, но немцы нас быстро оттуда выбили. Скинуть их в реку мы не можем – сил маловато, так что только и остается, что немцев сдерживать. А из штаба армии в дивизию приказ пришел. Пленные им нужны, чтобы узнать, что на плацдарме творится, и планы немецкие вскрыть. Это как же их там припекло, если штаб армии такие приказы раздает? Не их это уровень. Я понимаю, если б штаб полка такой приказ прислал...

– Погоды нет, – пожал я плечами, – дожди сплошные и облачность. Авиация не летает, вот информации и нет, а в высоких штабах бояться, что немцы отсюда на север ударят – в тыл Юго-западному фронту.

– Ты-то откуда это знаешь, Нагулин? Или тебе сам командующий фронтом обстановку докладывает?

– Да не знаю я, товарищ капитан. Просто предполагаю, исходя из того, что вы рассказали.

– Все, младший лейтенант, свободен. Иди устраивайся и принимай взвод у Игнатова, а мне еще группу для вечернего выхода за «языком» готовить надо. В роте даже десятка опытных разведчиков не наберется. Остальные – обычная пехота. Их на такое задание не пошлешь.

– Разрешите мне с группой пойти, товарищ капитан?

– Еще находишься, Нагулин, не суетись.

– Немцы что-то затевают, я это чувствую. Потом может быть поздно.

– Чувствуешь, значит... – задумчиво произнес Щеглов, опускаясь на грубо сколоченный табурет. – Раньше говорил «слышу» или «вижу», и я верил. Вернее, поверил не сразу, но потом уже не сомневался. А теперь ты говоришь «чувствую», и мне опять хочется от этих твоих «чувств» отмахнуться. Но капитан Щеглов второй раз на те же грабли не наступает. Ладно, ты в группе. Я сам вас поведу – ты с местными условиями пока не знаком, так что тебе в первом выходе людей не доверю. Сбор здесь в двенадцать, выходим в час тридцать. Смотри, Нагулин, ты сам напросился.

– Разрешите идти принимать взвод и готовиться?

– Иди, младший лейтенант, хотя, постой. Знаешь, кого я встретил сегодня утром на позиции первого батальона?

Я молча ждал продолжения, с интересом глядя на капитана.

– Старшего сержанта Серову. Она даже спросила у меня, где найти комбата. Липович ее снайпером в третью роту определил. Просто день встреч какой-то, не находишь?

* * *

Погода нам благоприятствовала. Низкая облачность закрывала луну, а шелест моросящего дождя скрадывал звуки. Даже осветительные ракеты не слишком помогали противнику – их свет вяз в пелене дождя. Мокро, грязно, хорошо хоть не слишком холодно. Назвать линию немецкой обороны очаговой было бы преувеличением, но разрывы между окопами и опорными пунктами все же имелись. Противник постепенно расширял Кременчугский плацдарм, и оборудовать полноценные позиции немцы успевали не всегда. Ударить бы по ним сейчас парой танковых дивизий при поддержке тяжелой артиллерии, да где их взять? У Юго-западного фронта резервов почти нет, а то, что выделяет Ставка, уходит на контрудары во фланг наступающим танкам Гудериана.

– Сто тридцать метров вперед и пятнадцать метров влево пулеметная позиция противника, – доложил я Щеглову, давно переставшему удивляться подобным откровениям с моей стороны, – Обходить лучше слева. Справа – непрерывная линия окопов, и немцы там не спят.

– Понял, – кивнул капитан, меня направление, и мы поползли дальше, припадая к земле при вспышках взлетающих в небо осветительных ракет.

Вокруг регулярно погромыхивало – немцы вели беспокоящий огонь по позициям трехсотой стрелковой дивизии. Наши старались отвечать, но снаряды явно экономили.

Поскольку приказ о захвате «языка» исходил непосредственно из штаба тридцать восьмой армии, задачу капитану Щеглову комдив поставил соответствующую. Абы кто начальству был не нужен. Рядовые солдаты или унтеры много знать не могут, хотя с этим можно и поспорить – исключения бывают, но вероятность наткнуться на такого осведомленного нижнего чина все же не слишком высока. Поэтому брать приказали офицера, а это усложняло задачу на порядок. Плацдарм – это вам не глубокий тыл немцев на западном берегу Днепра. Здесь офицеры в одиночку не разгуливают, да и найти их еще нужно посреди ночи в кромешной тьме, когда от каждой вспышки осветительной ракеты приходится тыкаться мордой в грязь.

На самом деле, в захвате какого-нибудь обычного пехотного лейтенанта почти наверняка тоже смысла не было, и я об этом сразу сказал Щеглову. Капитан поморщился, понимая, что я предлагаю ему рейд вглубь немецкого плацдарма, но в итоге согласился. Мне этот выход нужен был с двумя целями. Во-первых, я хотел оказаться на берегу Днепра, чтобы иметь возможность сказать капитану, что слышал и видел признаки подготовки к переправе на плацдарм тяжелой техники, а во-вторых, мне требовалась успешная операция для того, чтобы приобрести определенный авторитет в глазах комдива Кузнецова, иначе он просто не стал бы меня слушать.

Разрыв в немецких позициях объяснялся довольно просто. Их рассекал надвое поросший кустарником овраг, по дну которого тек ручей, мутный от стекавшей со склонов грязи. Это топкое место было совершенно непригодно для боевых действий, и немцы ограничились тем, что расставили в наиболее проходимых местах полтора десятка мин.

Мне немецкие сюрпризы вычислитель подсвечивал тревожным оранжевым цветом, но Щеглов тоже не вчера родился и прекрасно знал, на что можно в подобных местах напороться.

– Ремизов, давай вперед, – тихо приказал капитан.

Сапер медленно продвигался вглубь оврага, проверяя грунт перед собой специальным щупом, а я тщательно следил за тем, чтобы он в темноте и скользкой грязи не пропустил смертоносный подарок от немцев. Капитан выглядел сосредоточенным, но чрезмерного напряжения я в нем не чувствовал. Видимо, командир был уверен в квалификации своего подчиненного. Как бы то ни было, Ремизов с задачей справился. Обнаруженные мины он не трогал, а лишь каждый раз поднимал руку и аккуратно обползал опасное место. Группа двигалась за ним след в след.

В рейд мы вышли впятером. Кроме меня, Ремизова и капитана с нами шли хорошо знакомые мне сержант Игнатов и ефрейтор Никифоров. Новым для меня человеком в группе был только сапер.

Первую линию немецкой обороны мы преодолевали около полутора часов, и когда она осталась позади, разведчики напоминали большие шевелящиеся комки грязи. Более-менее чистым выглядело только оружие, которое старались беречь. Зато теперь мы могли позволить себе двигаться быстрее, поскольку немцев здесь было заметно меньше.

По нескольким весьма скверным дорогам, ведущим от берега к передовой, отдельными группами двигалась пехота противника. Похоже, немцы использовали ночное время для усиления своих войск на плацдарме. Попадались и противотанковые пушки на конной тяге, что говорило о том, что для переправы задействованы не только обычные лодки, но и более серьезные плавсредства.

– Нужно идти дальше, товарищ капитан, – негромко предложил я Щеглову, – у реки все станет понятнее, да и офицеры там наверняка есть – кто-то ведь распределяет прибывающих солдат. А здесь мы можем до утра искать пункты управления, и не факт, что найдем.

– Давай правее, Нагулин, – кивнул капитан в сторону ближайшей группы деревьев, смутным пятном видневшихся в темноте. Было видно, что забираться в самую середину этого змеино-го гнезда ему очень не хочется, но другого способа выполнить задание командования Щеглов не видел.

К Днепру мы вышли минут через сорок. Плеск весел и приглушенные команды на немецком далеко разносились в пропитанном влагой воздухе. Переправляться немцам никто не мешал. Похоже, командование Юго-Западного фронта не считало для себя серьезной проблемой увеличение количества вражеской пехоты на Кременчугском плацдарме, да и не имело, по большому счету, возможности эффективно препятствовать ночной переброске через Днепр пехотных дивизий вермахта.

Мы подобрались почти к самому берегу. Я ненавязчиво подправлял наш маршрут, и в итоге мы вышли к одному из пунктов распределения прибывающих с западного берега солдат. Нельзя сказать, что лодок было много, но они регулярно приставали к берегу, появляясь из сырой мглы. Встречей пополнения руководил обер-лейтенант, окруженный несколькими унтерами и парой десятков солдат. Лодки тыкались носами в берег, немцы быстро выгружались и строились в походный порядок. Местный обер-лейтенант кратко инструктировал их командиров, давал формируемым колоннам сопровождающих и отправлял их на восток. Орднунг, однако.

О том, чтобы захватить в качестве «языка» обер-лейтенанта можно было и не мечтать. Он все время находился в окружении множества солдат, но даже если бы у нас получилось, его исчезновение практически мгновенно привело бы к превращению берега реки в развороченный муравейник, и спокойно уйти нам бы не дали.

Мы уже почти два часа неподвижно лежали в мокрой траве под прикрытием не слишком густого кустарника и наблюдали за берегом. Ситуация выглядела тупиковой. Все офицеры, прибывавшие на лодках, уходили к передовой в составе взводных колонн, о нападении на которые нашими силами не могло быть и речи.

Я знал, что немецкие саперы уже построили понтонный мост на один из островов, находившийся ближе к их берегу. Пока это сооружение не могло выдержать танки и другую тяжелую технику, но легкая артиллерия и грузовики шли по нему уверенно. Тем самым немцы сильно упростили себе задачу переправы пехотных дивизий, и, по большому счету, мост этот следовало немедленно уничтожить, но наше командование о нем пока ничего не знало, а добыть доказательства его существования можно было только здесь.

Судя по тому, что колонны немецких танков продолжали неумолимое движение к Кременчугу, вскоре немцы должны были начать строить мост через Днепр. Понтоны и необходимые для строительства материалы уже завозились и накапливались ими на противоположном берегу. При такой концентрации сил и средств немецкие саперы могли справиться с задачей очень быстро, и тогда нашей трехсотой дивизии, тридцать восьмой армии и всему Юго-Западному фронту грозил очень неприятный сюрприз в виде удара с юга первой танковой группы фон Клейста.

– Ты звал меня на берег, младший лейтенант, – не выдержал Щеглов, – Вот мы здесь, и что дальше?

– Минуту, товарищ капитан, – попросил я, прикрыл глаза и сосредоточился.

Ночь и низкая облачность сильно мешали рассмотреть детали, но обнаружить идущую к нашему берегу лодку, состав пассажиров которой несколько отличался от остальных, мне все же удалось. Немецкий офицер, переправлявшийся на восточный берег Днепра, не обладал высоким чином. Поиграв с настройками фильтров, я смог рассмотреть его знаки различия – гауптман. Возможно, командир роты, а может штабной офицер уровня батальона. По нему у вычислителя дополнительной информации не было – не Гудериан все-таки.

– Боюсь, мне придется немного поплавать, – наконец, произнес я, чем, похоже, погрузил Щеглова в легкий ступор. Стоило поторопиться и пояснить свою мысль. – Товарищ капитан, лодки подходят к берегу с интервалом в десять-пятнадцать минут. Каждая четвертая – грузовая. В ней только четверо солдат на веслах, один-два унтера и офицер, как правило, в лейтенантском или обер-лейтенантском чине – наверное, командир взвода. Нападения они не ждут, особенно из воды. Как я умею обращаться с ножами, вы, я думаю, помните. Только начинать надо прямо сейчас, иначе лодка с офицером успеет слишком близко подойти к нашему берегу, и мои действия обнаружат.

– Ты понимаешь, что если что-то пойдет не так, мы ничем не сможем тебе помочь? – глядя куда-то в сторону ответил Щеглов после секундной паузы.

– Понимаю, товарищ капитан. В километре ниже по течению немцев нет. Они контролируют не весь берег у себя за спиной – считают, видимо, что отсюда никто, кроме своих, появиться не может. Я постараюсь там быть не позже, чем через час. Если за час не справлюсь, на точку встречи выходить не буду – спрячусь на каком-нибудь небольшом острове и буду ждать следующей ночи.

Щеглов бросил взгляд на часы. Отпустить меня одного он не хотел, это было видно, но за оставшееся до рассвета время выполнить задачу другим способом группа все равно не успевала, так что выбора у капитана, по сути, не было.

– Ждем тебя два часа, – не терпящим возражений тоном отрезал Щеглов. Потом группа уходит. Справишься раньше – у нас будет больше шансов выйти к своим без стрельбы. Если не найдешь нужную лодку – немедленно возвращайся, это приказ. Ты все понял, Нагулин?

Глава 3

Вода оказалась довольно холодной, но вполне терпимой. «Наган» и ППШ я оставил капитану вместе с боезапасом и вообще всем железом, кроме ножей. Зато их у меня на поясе висело шесть штук и еще два в специальных ножнах, закрепленных за плечами с таким расчетом, чтобы можно было их доставать и метать одним движением.

Самый бесшумный и незаметный способ плавания – под водой. Его я и выбрал. Задержка дыхания на пять минут не вызвала у меня чрезмерного напряжения, а за это время можно было проплыть достаточно большое расстояние. Выныривать, чтобы сориентироваться мне не требовалось, так что я напрямик направился к точке, в которой планировал встретить лодку гауптмана. До места я добрался минут за десять, и теперь от цели меня отделяло около пятидесяти метров. Лодка оказалась довольно большой, и ее вполне можно было оснастить мотором, но немцы, у которых такие моторы имелись, решили не шуметь, и предпочли пользоваться веслами.

Мой план не содержал каких-то изощренных хитростей и строился исключительно на внезапности, скорости и точности. Расчет на внезапность основывался на предположении, что немцы не будут ждать нападения на маршруте, уже десятки раз за эту ночь пройденном другими лодками, а скорость и точность движений моего тела не шла ни в какое сравнение с реакцией и координацией движений местных жителей. Как выяснилось чуть позже, я сильно заблуждался.

Я затаился под водой, и когда вражеское плавсредство оказалось в метре от моей головы, сделал резкое движение ногами, толкнувшее меня вверх. Одновременно я ухватился за носовую оконечность лодки, и перебросил тело через слегка накренившийся борт.

Сидевшие на веслах солдаты даже не успели понять, что произошло. Они находились всего в паре метров от меня, а с такого расстояния промахнуться я не мог. Гауптман, удобно устроившийся на корме, отреагировать тоже не успел, вернее, к кобуре-то он потянулся, но прилетевшая ему в лоб рукоять ножа на несколько минут выбила из офицера сознание. А вот унтер, оказавшийся при ближайшем рассмотрении целым штабс-фельдфебелем, продемонстрировал лучшую подготовку во всей этой компании, да и времени у него оказалось больше, чем у погибших почти мгновенно солдат.

Я опасался, что он начнет кричать, пытаясь поднять тревогу, или попытается выстрелить из своего МР-40, но, видимо, немец понимал, что может и не успеть. Как он достал нож, я даже не заметил – был занят сначала солдатами, а потом их командиром, и когда мое внимание все-таки переключилось на последнего врага, немец уже метнул свое оружие. Надо сказать, сделал он это мастерски, и нож у него был не хуже моих.

Неожиданность атаки сыграла со мной злую шутку – к такому развитию событий я оказался не готов. Мгновенно оценив угрозу, вычислитель перехватил управление моими мышцами и дернул меня влево с разворотом, не считаясь с физиологическими возможностями организма. При условии непосредственной угрозы жизни боевой режим имплантов такие фокусы позволяет. Именно для подобных случаев и нужно поддерживать свое тело в максимально тренированном состоянии. Неподготовленного человека такой финт если и не убьет, то уложит на больничную койку очень надолго.

Нож штабс-фельдфебеля, нацеленный мне в сердце, распорол гимнастерку, и, надорвав кожу на плече, улетел в воду. Этой раны я даже не заметил. Хрустнул позвоночник, взорвались болью мышцы спины, и я с трудом удержался от крика, но останавливаться было нельзя. Немец, ничуть не смущенный тем, что я сумел увернуться от его броска, уже схватился за автомат. Я прыгнул вперед, наплевав на боль в протестующих мышцах. Лодка качнулась, и немец, начавший поднимать свое оружие, потерял равновесие. В принципе, это уже ничего не

решало – передернуть затвор он все равно не успевал. В последний момент штабс-фельдфебель попытался заслониться автоматом, но мой кулак прошел по обводящей траектории и ударил немца в скулу. Раздался неприятный хруст, и тело врага обмякло. Я подхватил выпавший из его ослабевших рук МР-40 и аккуратно положил на дно лодки.

Организм возмущался таким обращением, и меня откровенно шатало. Боевой режим имплантов снижал болевой порог, но мне все равно было плохо, а время неумолимо уходило. Неуправляемую лодку сносило течением, и хотя сейчас это играло мне на руку, требовалось срочно браться за весла. Я отчетливо видел отметки бойцов группы, уже вышедших в условленную точку на берегу, но сначала требовалось срочно что-то сделать с полученной раной. Нож основательно повредил кожу и множество мелких сосудов, и кровь не желала останавливаться, несмотря на все усилия имплантов и мою повышенную способность к регенерации. У штабс-фельдфебеля нашелся перевязочный пакет, и я потратил еще несколько минут на то, чтобы остановить кровь.

Минут через десять организм начал постепенно восстанавливаться. Сама по себе довольно легкая рана не могла настолько выбить меня из колеи, но рывок при уклоне от ножа очень сильно напряг организм, и, сложившись вместе, эти два фактора чуть меня не убили. Биоимпланты не имеют собственных источников энергии, и питаются ресурсами организма. Видимо, на уклон в форсированном режиме и последующий прыжок с ударом я потратил слишком много сил, и на борьбу с раной их уже почти не осталось, но теперь мне постепенно становилось легче.

Когда лодка ткнулась носом в берег, меня все еще мутило и пошатывало. Разведчики подхватили меня и помогли добраться до зарослей кустарника. В дальнейшем разграблении вражеского плавсредства я не участвовал. Наслаждаясь покоем, я позволил организму направить все ресурсы на восстановление, и когда через четверть часа ко мне подошел Щеглов, я чувствовал себя уже заметно бодрее.

– Идти сможешь, младший лейтенант? – обеспокоенно спросил командир.

– Думаю, да, – я осторожно сел, прислушиваясь к своим ощущениям.

Спина ныла, но разрывов мышц, похоже, удалось избежать. Я осторожно покачался вправо-влево и вперед-назад. Позвоночник не протестовал. Зато начала болеть и дергать рана на плече, но это можно было и перетерпеть.

– Все не так плохо, товарищ капитан, – усмехнулся я. – Дойду. Минут через сорок смогу помочь вам тащить «языка», а сейчас верните мне, пожалуйста, оружие.

– Сам пойдет, если жить захочет, – проворчал капитан. Было видно, что он испытал немалое облегчение, поняв, что я смогу идти самостоятельно.

Гауптман жить хотел. Я перекинулся с ним парой фраз, из которых стало ясно, что мы поймали очень вкусную рыбу. Немец оказался командиром радиороты в батальоне связи той самой сто двадцать пятой пехотной дивизии, с которой мы столкнулись под Уманию сразу после разгрома нашего поезда. Сейчас их перебрасывали на Кременчугский плацдарм, и гауптман направлялся на восточный берег к своему первому взводу, еще прошлой ночью переправленному сюда с передовыми частями дивизии.

До рассвета оставалось около двух часов. В том, что пропажу офицера скоро обнаружат, никто из нас не сомневался, и мы старались времени не терять. Немец с кляпом во рту шел покорно. Когда надо – полз, где надо – бежал. Капитан периодически настороженно поглядывал на меня, считая, похоже, что держусь я исключительно на морально-волевых, уж очень плохо я выглядел, когда меня вынимали из лодки. На самом деле, с каждой минутой я чувствовал себя все лучше. Я знал, что если мы выйдем к своим, идеальным вариантом для меня будет плюнуть на все и устроить себе сутки непрерывного сна, но что-то я очень сомневался, что такую роскошь мне кто-то позволит.

Немцы забеспокоились минут через двадцать после того, как мы покинули берег. Сначала их реакция была довольно вялой и рутинной. Ну, задержалась по каким-то причинам очередная лодка. Может, затянулась погрузка, или ждали кого-то. Тем не менее, бдительный обер-лейтенант, руководивший приемом пополнений, опросил солдат, прибывших последними, и быстро выяснил, что лодка гауптмана отправилась в путь без задержек, но они ее по пути не встретили.

Разосланные вдоль берега патрули лодку не нашли – разведчики столкнули ее в воду и она уплыла вниз по течению, уткнувшись вскоре в берег небольшого островка, не занятого немцами. Тем не менее, о происшествии обер-лейтенант своему начальству немедленно доложил, и оно, понимая, насколько осведомленным был пропавший офицер, приняло решительные меры.

Небо над нейтральной полосой вспыхнуло десятками «люстр». Немцы осветительных мин и ракет не жалели. Противник отлично понимал, что мало захватить офицера, его еще нужно протащить через передовую, и облегчать эту задачу нам никто не собирался.

– Может, стоило на лодке уходить? – тихо произнес Игнатов, глядя на эту иллюминацию, – отошли бы вниз по реке километров на пять, а там может и поспокойнее было бы. Ну, вышли бы не в полосе нашей дивизии, а у кавалеристов, какая разница?

– До рассвета бы не успели, – возразил Щеглов, – да и что уж теперь...

До оврага, через который мы просочились между немецкими позициями на пути к Днепру, добраться удалось без приключений. Плотность войск в глубине плацдарма была не столь значительной, как на передовой, и, пользуясь темнотой и плохой погодой, нам удавалось избегать встреч с немецкими патрулями и колоннами.

Ремизов совсем уже собрался двинуться вперед, чтобы провести группу через заминированный участок, но я его остановил, положив руку на плечо.

– Там засада, товарищ капитан.

– Знают, что мы пойдем именно здесь?

– Не думаю. Скорее, просто дополнительный секрет выставили в связи с объявленной тревогой, но их пять или шесть человек – тихо не пройдем.

– В ножи?

– Не выйдет. Наверху есть наблюдатели, они сразу заметят нашу атаку.

– Плохо.

– Дайте мне минуту, товарищ капитан, – попросил я, опускаясь на траву.

Разведчики стояли молча, стараясь не шевелиться. Даже гауптман притих, не понимая, что происходит, а я внимательно, метр за метром осматривал передний край и ничейную полосу между нашими и немецкими окопами. Как жаль, что у нас нет рации... Сейчас нам бы очень не помешала отвлекающая атака или сильный артиллерийский удар по немецким позициям, а лучше и то, и другое. Надо будет обязательно озаботиться этим в будущем, если, конечно, оно для нас наступит.

Немцы подошли к выполнению полученного приказа с присущей им пунктуальностью. Если раньше между их позициями и имелись разрывы, то сейчас они были плотно прикрыты густой сетью постов и секретов. Минут через сорок начнет светать, и если до этого момента мы не выберемся, нам конец. Пехота прочешет плацдарм, заглянет под каждый куст и в каждую ямку. Нас найдут, можно не сомневаться.

– Глухо, товарищ капитан, – покачал я головой, открыв глаза, – все лазейки в ближайших окрестностях законопачены намертво.

– У меня есть последнее средство, – в голосе капитана чувствовалось сомнение, – красная и две белых ракеты. Комдив разрешил мне использовать этот сигнал, если мы будем возвращаться с действительно ценной добычей. Нам ударят навстречу, но шансы на успех все равно невелики, а людей в такой атаке погибнет не один десяток.

Я задумался. Нас пятеро, но кому-то придется остаться с гауптманом, так что действовать смогут четверо. Все мы вооружены автоматическим оружием, а в сотне метров перед нами немецкая пулеметная позиция. Если ее захватить, оборона противника на этом участке, конечно, не развалится, но будет ощутимо подорвана. Вопрос в том, насколько долго мы сможем продержаться...

– Товарищ капитан, есть одна мысль, но риск очень велик.

– Хочешь захватить пулемет, Нагулин? – криво усмехнулся капитан, – по глазам вижу, что хочешь.

Я молча кивнул.

– Если сдохнем, так хоть весело, – тихо произнес сержант Игнатов.

– Ремизов, на тебе пленный. Глаз с него не спускать и пусть лежит мордой в землю, а то зацепит еще случайной пулей, и все будет зря. Идешь за нами метрах в двадцати. В окопы не суйтесь, пока мы их не очистим от противника. Потом рывком к нам и немедленно укрыться.

– Есть!

– Нагулин, ты воевать-то еще можешь со своим ранением?

– Я уже в норме, товарищ капитан.

– Ну, води, младший лейтенант, начнем с ножей.

* * *

Тревога тревогой, но выгонять посреди ночи в окопы весь личный состав немцы все же не стали. Усилили посты, поставили новые секреты, разослали патрули, но спать солдатам иногда все же нужно, особенно если завтра снова в бой.

Пулеметную позицию немцы выбрали удачно. Овраг, протянувшийся с востока на запад, разрезал пополам невысокий холм, не холм даже, а так, плоский бугор. Но контроль над ближайшей местностью эта высота все же обеспечивала. Немцы не стали рыть окопы на самой вершине, чтобы днем не маячить перед русскими на фоне светлого неба, а спустились немного ниже, в сторону ничейной полосы, и оборудовали пулеметное гнездо почти на самом краю оврага. Справа пулеметчиков защищал крутой и скользкий склон, крайне неудобный для атаки, а слева располагалась основная позиция их взвода. С точки зрения обороны от противника, наступающего с востока, это казалось разумным, но для нас, особенно с учетом моих возможностей, ситуация выглядела иначе. Двигаясь с запада, из немецкого тыла, мы могли незаметно приблизиться к позиции противника, используя в качестве прикрытия гребень высоты.

Взбодренные поднявшейся суетой часовые-наблюдатели несли службу исправно. Один солдат стоял за пулеметом, второй прохаживался по окопу, периодически поглядывая как вперед, на восток, так и на запад, в нашу сторону. Третьим, и, как я предполагал, самым опасным, был фельдфебель, внимательно осматривавший в бинокль местность перед позицией. Дальше влево зигзагом шли траншеи и ходы сообщения, в которых тоже находились наблюдатели, причем было их немало. На позиции взвода в боевом охранении несло службу полновесное отделение, то есть треть всего личного состава, а еще левее начинался участок следующего взвода, и там тоже хватало солдат.

Немцы запускали ракеты и подвешивали «люстры» осветительных мин с таким расчетом, чтобы хорошо просматривалась, прежде всего, ничейная полоса и первая линия наших окопов. Подсвечивать собственный тыл они не хотели, не желая облегчать жизнь русским артиллеристам и минометчикам, ведущим редкий беспокоящий огонь. Тем не менее, наблюдателя за гребнем холма они все-таки оставили, понимая, что русские диверсанты будут двигаться со стороны второй линии их обороны. Солдат тихо сидел в небольшом окопе на обратном скате высоты, считая, что в темноте заметить его практически невозможно. Так же тихо он и умер – позицию противника я указал капитану заранее.

Щеглов отдал команду к началу штурма, когда до немецких окопов оставалось метров двадцать. В этот раз я не стал рисковать, и в качестве первой цели выбрал не солдата за пулеметом, а фельдфебеля. Прилетевший из темноты нож вошел немцу под левую лопатку, и он завалился вперед, на бруствер, из-за которого вел наблюдение. Бинобль, блеснув линзами в отсвете очередной «люстры», сполз куда-то в темноту ниже по склону. При этом он издал довольно громкий стук, но это уже не имело никакого значения – пулеметчик и так заметил опасность, поэтому вторым я атаковал именно его. Двадцать метров все-таки много для ножа, особенно если цель не приросла к земле. Немец увернулся! Не думаю, что он успел среагировать на мой бросок. Скорее, судьба фельдфебеля подсказала ему единственно верный вариант действий. Пулеметчик пригнулся, присев на дно окопа и нож громко звякнул о станок MG-34. Ситуацию исправил Игнатов, уже успевший преодолеть расстояние до немецкого окопа и спрыгнувший на спину начавшему распрямляться противнику. Мне не было видно, как он справился с немцем, но заняло это у сержанта не больше пары секунд.

Щеглов и Никифоров тоже не теряли времени – они занимались своими целями. На пулеметной позиции живых немцев не осталось, но сделать все тихо у нас не получилось, и долетевшие до соседних окопов звуки заставили немцев насторожиться.

Раздалось несколько резких команд, и в траншеях соседнего отделения обозначилось движение.

– Гранаты в овраг, быстро! – приказал Щеглов, не забывший о сидевших в засаде немцах.

Я сорвал с пояса гранату, вырвал чеку и перебросил Ф-1 через край оврага. Дальнейшая ее судьба меня не интересовала – я наконец-то спрыгнул окоп и добрался до пулемета. Одновременно с первой длинной очередью, ударившей влево вдоль вражеских траншей и ходов сообщения, за моей спиной с шипением взлетели в воздух сигнальные ракеты – две белых и одна красная.

Чуть впереди я видел вспышки выстрелов и слышал характерный треск ППШ – мои товарищи тоже открыли огонь. Я на секунду отвлекся, пытаюсь понять, откуда нам угрожает наибольшая опасность.

В овраге никакого шевеления не наблюдалось – похоже, наши гранаты легли удачно. Пленный гауптман лежал на дне окопа в позе эмбриона, а Ремизов, стоя над ним, стрелял из автомата в сторону немцев. Ответный огонь пока был слабым и неточным, но противник быстро приходил в себя. Главное, что меня очень не радовало, это какая-то вялая реакция на наш сигнал на советской стороне. Нельзя сказать, что там ничего не происходило, но и интенсивной подготовки к атаке я пока не наблюдал. Переключив внимание обратно на немцев, я увидел крайне неприятную картину. Во взводе, позицию которого мы атаковали, помимо моего MG-34 имелось еще два пулемета, и сейчас они разворачивались в нашу сторону. Пулеметчики пока не стреляли, опасаясь в темноте задеть своих, но я понимал, что очень скоро они разберутся и откроют по нам уничтожающий огонь. Другой серьезной проблемой был блиндаж во второй линии окопов. Похоже, именно там спали остальные солдаты взвода, и сейчас они активно двигались, покидая укрытие и явно собираясь к нам в гости.

– Не подпускайте их на бросок гранаты! – услышал я команду Щеглова.

Непосредственно меня она тоже касалась, но сперва следовало что-то сделать с пулеметами и со спешащей сюда пехотой. Я снял с пояса последнюю гранату. До немцев, выскакивающих из блиндажа, было восемьдесят метров. Часть солдат уже выбрались из окопов, а часть еще только покидали укрытие. Я выбрал траекторию таким образом, чтобы запал догорел еще в воздухе, и граната взорвалась над головами немцев. Хороший бросок из окопа сделать сложно, но боевой режим способен и не на такое. Плечо отозвалось болью – все-таки организм еще не до конца восстановился после «рывка» в лодке, а сейчас биоимплантам вновь пришлось сильно напрячь мои мышцы.

Следить за полетом и взрывом гранаты мне было некогда. Я вновь взялся за свой МГ-34 и нашел позиции немецких пулеметчиков. Они, сориентировались в ситуации и открыли интенсивный огонь поверх голов своей пехоты, пытаясь прижать к земле русских диверсантов. Две короткие очереди заставили их замолчать, но и без пулеметов у противника имелось подавляющее преимущество.

Метрах в пятидесяти от нас, где-то посередине между первой и второй линиями немецких окопов грохнула серия взрывов – открыла огонь советская минометная батарея. Это было замечательно, но сейчас нам требовалось совершенно другое – быстрая атака на участке дезорганизованного нами немецкого взвода с параллельным подавлением его соседей справа и слева огнем артиллерии.

Ночной бой разрастался, как лесной пожар. На удар советских минометчиков немедленно ответили их немецкие коллеги. Чуть позже в сражение включилась и артиллерия. Плотность немецкого огня возрастала по мере подхода к месту боя все новых солдат противника. Я, как мог, старался регулировать их численность с помощью пулемета, но извилистые ходы сообщения позволяли немцам подбираться все ближе. Вскоре я сосредоточился только на самых опасных целях – солдатах противника, уже готовых к броску гранаты. Следствием моих усилий стали несколько взрывов прямо в боевых порядках противника – убитые или раненые метатели гранат подрывали на них себя и собственных товарищей. Это немного умерило пыл немецкой пехоты, но нельзя сказать, что наши перспективы стали радужнее – красноармейцы из наших окопов в атаку все еще не поднялись.

– Надо уходить, Нагулин! – услышал я голос Щеглова, оттесненного немцами вместе и Игнатовым и Никифоровым уже практически к моей позиции. – Не будет, похоже, атаки!

– Вылезем из окопов – сразу срежут, или минометами в поле раскатают, – прокричал я в ответ, не прекращая стрелять.

– Здесь нас точно сомнут, а так хоть какой-то шанс!

– Берите пленного и отходите через овраг! Буду прикрывать вас огнем пулемета. Две-три минуты форы у вас будет.

Щеглов ничего не ответил, только ожесточенно выпустил длинную очередь из ППШ, чуть приподнявшись над бруствером, после чего выкрикнул.

– Бойцы, за мной! Отходим! Пленного берегите!

Ко мне этот приказ не относился. Щеглов не стал говорить никаких громких слов и вообще предпочел не прощаться, за что я ему был очень благодарен.

Немцы медлили. Они все еще были уверены, что русские никуда не денутся, и подтягивали силы для новой атаки. Перед уходом группы я успел перезарядить пулемет, и теперь сотня патронов у меня в запасе имела, но одновременной атаки с разных сторон я выдержать все равно бы не смог.

Справа, за оврагом, тоже находились солдаты противника, но они пока не стреляли, опасаясь попасть в своих, а карабкаться в темноте по заминированным склонам им совершенно не улыбалось. Вид с орбиты показывал полную безнадежность ситуации. Если бы не довольно интенсивный минометный и артиллерийский огонь с советской стороны, немцы бы уже предприняли решительную атаку, но пока они пережидали артподготовку.

Ночную тьму разорвал вынимающий душу вой. Земля ощутимо содрогнулась и в яркой вспышке в сотне метров справа от меня в воздух поднялись тонны земли. Через секунду аналогичный огненный гейзер поднялся среди немецких окопов слева. Вой продолжался, и, кажется, теперь я понимал, чего ждала наша пехота. Командование Юго-Западного фронта осознало, наконец, что Кременчугский плацдарм может таить в себе немалую угрозу, и выделило тридцать восьмой армии из своих скудных резервов арtpолк РГК, в составе которого прибыл и дивизион гаубиц особой мощности Б-4.

Обещанные мной Щеглову три минуты истекли, и если я хотел и дальше ходить по этой планете, мне следовало действовать немедленно – лучшего момента могло и не представиться. Длинная очередь на весь остаток ленты никого из противников не задела, но, как я надеялся, заставила их задуматься о том, стоит ли высовываться из-за бруствера прямо сейчас.

В нескольких шагах за моей спиной начинался овраг, и буквально через секунду я уже скатывался вниз по скользкому склону, изворачиваясь и кувыркаясь, чтобы не встретиться с минами, не слишком густо натканными здесь немцами. В небе продолжали завывать «чемоданы» калибра двести три миллиметра, обрушивая на немецкие окопы гнев богов войны, а в промежутках между взрывами со стороны наших окопов слышалось многоголосое «Ура!» – красноармейцы трехсотой дивизии все-таки пошли в атаку.

Артподготовка прекратилась, и я поднялся с топкого дна оврага. Немцам в окопах сейчас стало явно не до меня. Рассвет еще не наступил, но небо уже начинало светлеть, и я собирался воспользоваться последними минутами ограниченной видимости, чтобы добраться до наших окопов.

Навстречу мне, стреляя на бегу, шла в атаку наша пехота. Это был их бой, а я свою задачу на сегодня выполнил сполна. Никто не обращал внимания на бегущего в тыл бойца в перепачканном грязью маскхалате. Примерно на полпути меня остановил старший лейтенант с пистолетом в руке.

– Разведчик? Из роты капитана Щеглова?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Возвращаюсь с задания.

– Тебе правее метров на сто, – прокричал на бегу старлей, – Все твои уже там. Вас сам комдив встречает.

Глава 4

Когда я грязным призраком прыгнул в окоп, охрана комдива немедленно навела на меня свои ППШ, но в руках у меня не было оружия, и красноармейцы слегка расслабились.

– Младший лейтенант Нагулин? – с интересом глядя на меня спросил Кузнецов.

– Я, товарищ полковник, – я попытался изобразить стойку «смирно» и бросил руку к пилотке.

– Не тянись, разведчик. Вольно. Ты прикрывал отход группы?

– Так точно, товарищ полковник.

– Везучий ты, раз смог вернуться. Я уж думал опять у Щеглова взвод без командира остался.

– Младшего лейтенанта Нагулина не так просто убить, товарищ полковник, – устало усмехнулся капитан, – многие пробовали...

– Не сглазь, – полковник едва заметно улыбнулся, посмотрев на Щеглова. – И «языка», значит, тоже он захватил?

– Он, товарищ полковник, – кивнул капитан. – Захватил лодку, перевозившую через Днепр немецкого офицера. Солдат на веслах и фельдфебеля уничтожил, а гауптмана оглушил. В схватке получил ранение, но остался в строю.

– Ранение? – Кузнецов вновь повернулся ко мне.

– Легкое, товарищ полковник, ножом плечо зацепило. Рука слушается нормально.

– Знаю я ваше легкое, герои! Быстро младшего лейтенанта в медсанбат! Капитан, тебе и твоим людям час на приведение себя в порядок. В штаб армии поедите с начальником особого отдела дивизии. Сами «языка» добыли – сами и доставите по назначению, а у меня и тут дел пока хватает, – комдив посмотрел в сторону немецких окопов, откуда доносились звуки стрельбы и взрывы гранат. – И Нагулина с собой возьмите, если его медики отпустят.

* * *

В штаб тридцать восьмой армии мы ехали около часа. Пленный немец угрюмо молчал, сидя в кузове полуторки между двумя бойцами из взвода НКВД. Мы впятером устроились там же, а майор Гунько, начальник особого отдела трехсотой дивизии, занял место в кабине.

– Товарищ капитан, немцы начнут наступление со дня на день. У них уже почти все готово, – начал я обрабатывать Щеглова, как только мы тронулись в путь.

– Чем? Пехотой? Ты хоть один танк или самоходное орудие на плацдарме видел?

– Я видел кое-что более неприятное, а еще больше слышал. Противник стянул к Кременчугу огромный понтонный парк и накапливает материалы для строительства моста, способного выдержать тяжелую технику.

– Ты смеешься, младший лейтенант? Больше километра понтонов! Да они будут возиться с этим недели две, если вообще что-то получится. Наши ведь тоже спать не будут – разбомбят этот мост, не считаясь ни с какими потерями.

– Вот он, – кивнул я на гауптмана, – подтвердил мне, что видел на берегу большое скопление переправочных средств и все время прибывающие новые саперные части.

– А танки? – Щеглов все еще сомневался, – танки он видел?

– Про танки немец ничего не сказал, но это означает только то, что они еще не прибыли. Такую грандиозную переправу не будут строить для пехоты, товарищ капитан! С переброской на плацдарм пехотных дивизий они и так справляются, вы же видели.

– Видел, – согласился Щеглов.

– Завтра-послезавтра они возведут переправу. Из-за нелетной погоды помешать им никто не сможет, и даже знать об этом в наших штабах ничего не будут. А потом за одну ночь на Кременчугском плацдарме окажется несколько танковых дивизий, и утром они нанесут удар. Смогут трехсотая стрелковая противостоять атаке сотен танков? И это только в нашей полосе обороны их будут сотни, а удар ведь придется и по соседям.

Слушая меня, Щеглов все больше мрачнел. Чувствовалось, что ему хочется возразить, но капитан сдерживался. Тем не менее, после того, как я замолчал, он ответил не сазу.

– Я не первый день тебя знаю, младший лейтенант, – наконец произнес Щеглов, тщательно подбирая слова, – и ни разу еще ты не поднимал панику на пустом месте. Но то, что ты говоришь... В штабе этому не поверят. Слишком мало у тебя доказательств. Гауптман танков не видел? Не видел. Ты готовый мост или хотя бы его часть видел? Не видел! Все остальное – только твои предположения. И пусть даже я верю в то, что они правильные, это ничего не изменит. Никто не станет принимать решения на основе фантазий капитана и младшего лейтенанта.

Я понимал, что Щеглов прав, но оставлять ситуацию как есть тоже было нельзя.

– Товарищ капитан, вы можете сделать так, чтобы в штабе армии хотя бы выслушали мой доклад?

– Не знаю, Нагулин. Не знаю! Кто я такой? Капитан, командир разведроты трехсотой дивизии. А там генерал-майор, командующий армией! Думаешь, Фекленко станет прислушиваться к моим просьбам? Ну, хорошо, пусть не лично Фекленко, а начальник штаба Символоков, так он тоже генерал-майор. Не факт, что нас вообще в штаб пустят, а не ограничатся опросом в особом отделе.

– Значит, придется доложить на том уровне, до которого сможем добраться. Может, сначала стоит переговорить с нашим особистом?

– С Гунько? – с сомнением покачал головой Щеглов, – Даже не знаю. Он мужик нормальный, в целом. И службу свою знает, но в таком деле он нам вряд ли поможет. Тебя он видит в первый раз. А если твое предположение ошибочно? Это же будет дезинформация! Не захочет он такую ответственность на себя брать.

Похоже, мне оставалось положиться только на случай, но если он представится, я не собирался его упускать.

– Товарищ капитан, у меня есть предложение, но сами мы, без помощи сверху, этот план не потянем.

* * *

Сталин неторопливо встал, вышел из за стола и, сжимая в руке незажженную трубку, прошелся по кабинету. Остановившись, он окинул цепким взглядом собравшихся и, делая небольшие паузы между словами, произнес:

– Командующий Южным фронтом генерал армии Тюленев проявил себя в боях под Уманью с наихудшей стороны. Он не умеет ни наступать, ни организовывать грамотный отход войск. Тюленев потерял две армии там, где позором было бы потерять два полка. Я уже предлагал товарищу Буденному лично разобраться с этой ситуацией, и, насколько я знаю, расследование было проведено. Я читал предварительные отчеты. Тюленев всю ответственность за потерю армий пытается переложить на командармов Понеделина и Музыченко, но есть мнение, что это лишь попытка самооправдания. Что вы, товарищи, думаете по этому вопросу?

– Позвольте мне, товарищ Сталин, – взял слово нарком внутренних дел.

– Слушаю вас, товарищ Берия.

– Генерал армии Тюленев, несомненно, совершил ряд просчетов, имевших тяжелые последствия и ставящих под сомнение его состоятельность, как командующего фронтом. Однако признаков измены в его действиях следствие не выявило. В боях под Днепропетров-

ском Тюленев получил тяжелое ранение, и сейчас решается вопрос о его эвакуации в Москву для прохождения лечения.

– Это мне известно, товарищ Берия. А что вы можете сказать о роли генералов Музыченко и Понеделина в гибели шестой и двенадцатой армий?

– На Понеделина командованием Южного фронта было возложено руководство прорывом окруженных армий из Уманского котла. Не пытаясь снять с него вины за провал операции, вынужден уточнить, что руководство Южного фронта не уведомило окруженных об изменении обстановки и оставлении восемнадцатой армией Первомайска. Поэтому задачи, поставленные Понеделиным перед ударными группами, даже при успешном выполнении не могли обеспечить реального прорыва кольца окружения.

– Но ведь Музыченко прорвался. Значит, такая возможность была.

– Генерал-лейтенант Музыченко не имел задачи вывода из окружения своей армии, товарищ Сталин. Руководство операцией полностью сосредоточил в своих руках Понеделин. Музыченко предписывалось выйти к войскам Южного фронта и координировать их действия с усилиями окруженных армий. Первую часть задачи он выполнил, несмотря на то, что под Первомайском наших войск уже не было, и его колонне пришлось прорываться дальше. А вот координировать усилия было уже не с кем – все ударные группы Понеделина были разгромлены, а сам командарм-12 сдался в плен, и теперь над позициями наших войск немцы разбрасывают с самолетов вот это, – Берия достал из папки и положил на стол листовку.

Сталин взял в руки лист. В обрамлении текста на нем была напечатана фотография, на которой генерал Понеделин стоял в окружении немецких офицеров.

– Немцы призывают красноармейцев к сдаче в плен, товарищ Сталин, и в пример им приводят Понеделина. Все признаки предательства на лицо. Командующий двенадцатой армией не смог организовать прорыв, затянул с решением о его начале и не нашел в себе сил до конца выполнить свой долг перед Советской Родиной.

Сталин еще некоторое время рассматривал листовку, после чего отложил ее и вновь окинул взглядом собравшихся.

– С Понеделиным, я считаю, все предельно ясно, товарищи. Есть мнение, что изменника необходимо судить и вынести ему справедливый приговор по всей строгости военного времени. Пусть он в плену, но Военная коллегия Верховного Суда может вынести приговор и заочно. Это будет хорошим уроком для трусов и дезертиров к врагу.

Берия кивнул и сделал пометку в своем блокноте.

– А что вы думаете, товарищи, о дальнейшей судьбе командующего шестой армией генерала Музыченко?

– Разрешите теперь мне высказаться, товарищ Сталин, – попросил слова Буденный, и, дождавшись одобрительного кивка вождя, продолжил, – Музыченко свое дело сделал, причем сделал хорошо. Он выполнил полученный приказ. Его штаб почти в полном составе вышел к своим. Знамя шестой армии из котла он вынес. Прорыв из окружения состоялся организованно, и при этом противнику нанесен серьезный урон в живой силе и технике. Я видел фотографии разгромленной немецкой части, которая преследовала штабную колонну, да и других эпизодов хватает, за которые в других обстоятельствах и самого командарма, и многих его подчиненных стоило бы наградить. А решение о направлении и времени прорыва основных сил принимал не он – не ему и отвечать.

Сталин задумчиво поднес к губам трубку и вновь стал прохаживаться по кабинету.

– Есть еще один важный момент, товарищ Сталин, – вновь заговорил Берия, – Товарищ Буденный очень верно описал чисто военную часть дела, но у этого вопроса есть еще и морально-политическая сторона. Прорыв штабной колонны вместе со знаменем и командармом дает нам возможность вновь сформировать шестую армию, а также с полным правом утверждать на международном уровне, что в котле мы потеряли только армию генерала

Понеделина. Всего из окружения под Уманью вырвалось почти пятнадцать тысяч человек. Они могут стать основой, вокруг которой будет воссоздана армия Музыченко.

– Я поддерживаю вас в этом вопросе, товарищ Берия, – кивнул Сталин, вновь занимая место за столом. – Пригласите ко мне генерал-лейтенанта Музыченко, и подумайте, что еще, кроме показательного суда над бывшим командармом Понеделиныным, мы можем предпринять для предотвращения случаев трусости и измены в руководстве наших армий.

* * *

Гауптмана у нас приняли с рук на руки и тут же увели на допрос, но и за нас самих, как только что вернувшихся из ближнего немецкого тыла, взялись, не откладывая. К опросу присоединился и представитель штаба армии, отмечая на карте то, что мы успели увидеть на Кременчугском плацдарме.

– Вот здесь, здесь и здесь, – показывал я штабисту, – мы видели довольно крупные блиндажи. Скорее всего, это склады. Что в них хранится, выяснить не удалось – задача была другая.

Подполковник кивал и ставил отметки, а Щеглов искоса поглядывал на меня, но не вмешивался. Сам он никаких блиндажей не видел, хотя я пару раз о них и упоминал.

– На берегу устроены временные пристани, которые днем, видимо, маскируются и не используются. Мы видели такие пункты высадки в двух местах – здесь и здесь, – я опять указал точки на карте.

– Вот на этот остров немцами построен понтонный мост. По нему происходит непрерывное движение техники и войск.

– Откуда эти данные? – подполковник оторвался от карты и внимательно посмотрел на меня. – Вы ведь там не были, младший лейтенант.

– Я был относительно недалеко, когда захватывал лодку гауптмана, и слышал скрип дощатого настила и звук моторов грузовиков, приближавшихся с западного берега. Вы можете уточнить у пленного, товарищ подполковник. Он о существовании этого моста наверняка знает – проезжал по нему перед тем, как пересечь в лодку.

Штабист кивнул, сделал на карте пометку и поставил рядом с ней знак вопроса.

– Что-то еще, младший лейтенант?

– Товарищ подполковник, мы видели, что немцы хорошо наладили переправу на плацдарм пехотных частей и даже легкой артиллерии. Делают они это с помощью лодок и плотов, и для этих целей прекрасно обходятся без моста. Тем не менее, полевой допрос пленного показал, что на западном берегу накапливаются инженерные части и все необходимое для строительства понтонной переправы большой грузоподъемности. Такой мост может быть нужен только для танков и другой тяжелой техники, а значит, немцы готовятся к переброске на Кременчугский плацдарм танковых дивизий...

– Младший лейтенант, – прервал меня Штабист, – пока это только ваши фантазии. У вас есть доказательства ваших слов?

– Товарищ подполковник, разрешите доложить, – вмешался Щеглов.

– Слушаю вас.

– У нас есть только предварительные наблюдения. Мы решали другую задачу и не могли отвлекаться на что-то еще. Чтобы получить доказательства подготовки немцами переправы для танков, нужно провести дополнительную разведку.

– Так проведите, капитан. Вы ведь командуете разведротой – вам и карты в руки.

– Проблема в том, что даже если мы обнаружим доказательства слов младшего лейтенанта Нагулина, армия не успеет ничего предпринять. С теми средствами, которые задействованы немцами для сооружения переправы, они успеют построить мост за несколько дней, если не за сутки, а потом за одну ночь перебросят на плацдарм танки.

– Капитан, вы, кажется, заразились фантазиями вашего подчиненного, – усмехнулся подполковник, но смотреть на нас он продолжал очень внимательно. – Я пока не понимаю, чего вы хотите от меня.

– Десять минут вашего времени, товарищ подполковник. Мы готовы изложить план разведывательно-диверсионного рейда, но нам, весьма вероятно, потребуется поддержка артиллерии.

– У вас в дивизии нет артполка, капитан? Почему вы обращаетесь за этим к представителю штаба армии?

– Потому что только в распоряжении штаба армии есть гаубицы, способные достать до нужных нам целей и качественно их подавить. Я говорю о Б-4, товарищ подполковник.

* * *

– Ну что, Виталий Николаевич, особый отдел допросил пленного немца? – командующий тридцать восьмой армией развернулся к вошедшему начальнику штаба.

– Так точно, Николай Владимирович, и не только его. Разведчики из трехсотой дивизии, которые этого гауптмана взяли, тоже кое-что рассмотрели. Подполковник Семенов опросил их и нанес на карту полученные данные и последние изменения в обстановке. Вот, взгляните.

Генерал-майор Фекленко склонился над картой, развернутой на столе начальником штаба.

– Гудериан еще продвинулся, – мрачно констатировал командарм, глядя на протянувшиеся с севера синие стрелы ударов немецкой танковой группы, – Теперь уже очевидно, что он хочет окружить весь Юго-Западный фронт. Но, я смотрю, продвижение замедлилось, так что будем надеяться, что нам в спину его танки не ударят.

– Наши закрепились в районе Нежина и Ромны, – без особой уверенности в голосе ответил начштаба, а с востока по прорвавшимся немцам наносит удары Брянский фронт Еременко. Должны удержаться, товарищ командарм.

– Ладно, Виталий Николаевич, вернемся к делам нашей армии. Что у нас тут? Мост с западного берега на остров Улиточный?

– Так точно. Разведчики ночью слышали звуки, характерные для переправы техники по понтонному мосту, а пленный немец эти данные подтвердил. Мост легкий, танки не пройдут, да и с острова на наш берег переправы тоже пока нет.

– Точные координаты моста известны?

– Пленный не смог их указать. Его переправляли ночью на грузовике, а разведчик, которому удалось подобраться относительно близко, переправы вообще не видел, слышал только звуки моторов.

– Плохо. Что с погодой? Авиация сможет работать? Мост необходимо уничтожить как можно скорее.

– Нет погоды, Николай Владимирович. Низкая облачность и дожди. Авиаторы еще пару дней просвета не ждут.

– Как слепые, – Фекленко недовольно поморщился, – хорошо хоть разведчики этого гауптмана притащили, сразу карта данными пополнилась. Он, кстати, из сто двадцать пятой пехотной дивизии? Значит, и этих из-под Умани тоже к нам перебрасывают.

– Немцы все время увеличивают количество пехоты на плацдарме. Разведка видела и легкую артиллерию. Ее на лодках с Улиточного острова перебрасывают.

– Ну, мы тоже постепенно усиливаемся, – возразил Фекленко, – Резервов нам все же подкинули, хоть и поздно. Плацдарм ликвидировать мы не сможем, зато теперь, если немцы ударят пехотой навстречу Гудериану, мы их удержим. Должны удержаться.

– А если они перебросят танки? – осторожно задал вопрос начальник штаба.

– Каким образом? Без моста можно, конечно, доставить на плацдарм несколько машин, но в масштабах предполагаемого наступления это не серьезно.

– Разведчики настаивают на том, что немцы готовят строительство большого моста. Докладывали у них нет, сплошные туманные предчувствия, но пленный на допросе подтвердил, что видел многочисленные саперные части на западном берегу и значительное скопление понтонов и строительных материалов, которые могут быть использованы для возведения переправы.

– Ну, хорошо, даже если так, – задумался командарм. – Что они будут переправлять? Тяжелую артиллерию? Танков-то у них здесь нет, даже на западном берегу. Пока погода была летной, авиаразведка о танковых частях противника не докладывала.

– Не знаю, Николай Владимирович, – развел руками начштаба, – Но могу сказать одно: если немцы собираются строить мост, значит, им будет что по нему переправлять.

– Какое-то гадание на кофейной гуще у нас с вами получается, Виталий Николаевич, – покачал головой командующий.

– Подполковник Семенов доложил мне, что от разведчиков трехсотой дивизии поступило предложение. Они хотят вернуться туда, где взяли гауптмана, но уже с другими целями.

– Так пусть действуют. Такая операция не требует согласования в штабе армии, – удивился Фекленко.

– Они хотят уйти в рейд на несколько дней и взять с собой рацию. Засядут на берегу или на каком-нибудь из небольших островков, и будут вести наблюдение. Если немцы начнут строить переправу, они сообщат точные координаты моста и предлагают ударить по нему из гаубиц особой мощности, но для корректировки огня им нужно наладить взаимодействие с артполком РГК, а без вашего приказа с ними там никто разговаривать не будет.

– Это большой риск, – засомневался Фекленко, – Чтобы достать до Днепра, гаубицы Б-4 придется подтянуть почти к самой передовой. Как только они откроют огонь, немцы начнут контрбатареиную борьбу, а стрелять артиллеристам придется долго – на такой дистанции попасть непросто, даже с помощью корректировщика.

– Командир отдельной разведроты трехсотой дивизии капитан Щеглов утверждает, что если огонь будет корректировать младший лейтенант Нагулин, попадания последуют быстро.

– Вот как? – в голосе командарма отчетливо слышался сарказм. – И кто это Нагулин? Великий артиллерист зачем-то отправившийся служить в разведку?

– Я, когда услышал об этом плане, тоже так отреагировал, – пожал плечами начштаба. – Но потом... В общем, я на всякий случай запросил в особом отделе, что у них есть на этого Нагулина.

– И? – заинтересовался Фекленко.

– Они с капитаном Щегловым прибыли к нам из шестой армии генерал-лейтенанта Музыченко – вырвались из котла в составе штабной колонны. Подробностей нет, но, вроде как, этот Нагулин там себя очень неплохо проявил. И гауптмана, по словам особистов, именно он захватил, напав на лодку, перевозившую офицера, и перебив охрану.

– Ну, раз он такой молодец, пусть капитан пишет на него представление к награде – честно заслужил. Но это не ответ на мой вопрос.

– Это не все, товарищ командарм. Из особого отдела фронта пришел секретный приказ. Меня под роспись ознакомили. Младший лейтенант, оказывается, не так прост. Нашим особистам предписано установить за ним наблюдение, но не трогать. Особо указано, чтобы Нагулина не препятствовали в его инициативах. В разумных пределах, естественно. Он, похоже, чем-то изрядно отличился там, под Уманью. Чем-то таким, что проняло даже больших чинов из НКВД. В трехсотую дивизию с последним пополнением прибыло немало людей из шестой армии. Майор Гунько задал им несколько аккуратных вопросов о Нагулине. Все в один голос утверждают, что он отличный стрелок, просто феноменальный. Причем бьет с одинаковой точ-

ностью из любого оружия, включая зенитные пушки. Говорят, сбил на их глазах несколько самолетов.

– Ну, все эти рассказы нужно на десять делить... – задумчиво произнес Фекленко. – Но боец он, похоже, действительно непростой. И с мостом этим для танков вы, Виталий Николаевич, меня изрядно озадачили, не скрою. Хорошо, товарищ начальник штаба, готовьте приказ, я подпишу. Пусть действуют разведчики, будут им гаубицы особой мощности.

Глава 5

Весь остаток дня после возвращения в дивизию я отсыпался. Щеглов и остальные участники рейда тоже смогли отдохнуть, но, похоже, только мне удалось проспать так долго. Видимо, помня о моем ранении, товарищи старались меня не беспокоить, даже если в этом возникала необходимость.

Уже поздно вечером капитан меня все-таки разбудил.

– Младший лейтенант, – негромко произнес он, тронув меня за плечо, – Нас с тобой вызывают к комдиву. Через десять минут будь готов.

Когда мы вошли в штабной блиндаж и Щеглов доложил о нашем прибытии, полковник Кузнецов молча кивнул и указал нам на скамью у большого стола, на котором были расстелены карты.

– Не знаю, что там наболтал ваш немец, – начал комдив, – но в штабе армии сильно занервничали. Командарм вашу инициативу одобрил. Мне поступил приказ оказать вам всяческое содействие в организации нового разведрейда, причем более глубокого, чем предыдущий. К операции привлекаются три дивизиона гаубиц особой мощности Б-4. Завтра с рассветом отправитесь к артиллеристам для налаживания взаимодействия. С армейских складов вам выделили рацию нового образца и инструктора, который подтянет твоих радистов, капитан. На задание выходите завтра вечером. К утру мне нужен план операции – место перехода линии фронта, маршрут движения по немецким тылам, время сеансов связи, в общем, все, что в таких случаях требуется. Если нужна помощь дивизионной артиллерии или демонстративные действия на каком-то участке – тоже укажите. Вопросы есть?

– Никак нет, – ответил Щеглов, бросив короткий взгляд на меня. – Разрешите идти готовить план операции, товарищ полковник.

– Идите, – разрешил комдив, – И советую отнестись к этому делу со всей тщательностью. Вы заварили такую кашу, что если ваш рейд окажется пшиком...

– Есть подойти со всей тщательностью! – четко ответил капитан.

– Свободны.

* * *

К артиллеристам я в итоге отправился один. Щеглов там был совершенно не нужен, а дел по организации рейда у него более чем хватало – при планировании операции мы наворотили столько всего, что полковник Кузнецов аж снял фуражку и задумчиво почесал в затылке, прочитав наши предложения, но, видимо, приказ из штаба армии был достаточно недвусмысленным, и отказывать нам Кузнецов не стал.

Меня встретил лейтенант-артиллерист и проводил к подполковнику Цайтиуни. Командир артполка выслушал мой доклад и усмехнулся.

– А что капитан твой не приехал, младший лейтенант? – кавказский акцент в речи подполковника слух не резал, но чувствовался отчетливо, – Я бы ему много интересного рассказал про артиллерию. Б-4 ему подавай, да? Это тебе не сорокопятка, на руках на позицию не выкатишь. Ты видишь, что с погодой творится? Земля раскисла. А мне приказано выйти на позиции для стрельбы по Днепру! Это значит, вперед, к передовой. А ну как немец попрет? Мы все там и останемся, даже с позиций гаубицы вытянуть не успеем.

– Товарищ подполковник, я не могу обсуждать приказы, исходящие из штаба армии – не мой уровень, – нейтрально ответил я. – Капитан Щеглов готовит группу для рейда в тыл

противника, потому и не смог приехать лично. А я – именно тот, кто будет корректировать ваш огонь с помощью рации, поэтому я здесь.

– Ты когда-нибудь работал корректировщиком, младший лейтенант?

– Не доводилось, – честно ответил я, – но теоретическую подготовку имею.

– Ну, тогда ты нам накорректируешь...

– Товарищ подполковник, у меня очень хороший глазомер и тренированный слух. С математикой я тоже дружу, поэтому мне и поручили эту задачу. Я могу с достаточной точностью выдавать целеуказание в прямоугольных координатах, но, есть и еще один вариант. Если вы разрешите мне поработать непосредственно с расчетами орудий, мы сможем существенно увеличить точность стрельбы и сократить количество пристрелочных выстрелов.

– Это каким же образом, младший лейтенант?

– Я сам могу исчислять установки прицела, уровня и угломера, а также топографическую дальность с учетом поправок на баллистические и метеорологические условия и деривацию. Под требуемый тип заряда, естественно.

– Так... – Цайтиуни хмыкнул, – Умные слова ты знаешь, но говоришь явную чушь. Как ты сможешь все это вычислить, находясь на наблюдательном пункте в непосредственной близости от цели?

– Если буду точно знать координаты каждой гаубицы – смогу. Более того, если вы дадите мне возможность ознакомиться с таблицами индивидуальных поправок каждой гаубицы, позволите сделать из них выписки и проверить внутреннее состояние стволов, точность стрельбы будет еще выше.

– Не верю! Это просто болезненный бред какой-то, младший лейтенант! Не знаю, что ты там рассказывал своему капитану, а он комдиву, а комдив командарму, но если операция спланирована, исходя из этого словоблудия... Я не стану подставлять гаубицы особой мощности под огонь немецкой полевой артиллерии ради этих бредней!

– Товарищ подполковник, разрешите мне устроить небольшую демонстрацию. Сутки назад я побывал в немецком тылу, и там наша группа, помимо прочего, обнаружила один очень перспективный блиндаж, по всем признакам похожий на полевой склад боеприпасов или горючего – дело было ночью, и толком рассмотреть его нам не удалось, но отметку на карте я сделал и координаты запомнил. Если вы дадите мне поработать с расчетом одной из Б-4, я вычислю все необходимые установки для стрельбы и сообщу артиллеристам. Телефонная связь с передовой у вас имеется, и мы можем попросить кого-нибудь на ближайшем полковом наблюдательном пункте посмотреть в нужную сторону. Склад находится в восьми с половиной километрах от первой линии немецких окопов, но если там хранятся боеприпасы или топливо, результат попадания должен быть неплохо виден с полкового НП.

Командир артполка секунд десять обдумывал мое предложение, нехорошо разглядывая меня с высоты своего немалого роста.

– Три снаряда, младший лейтенант, – наконец раздраженно выдавил он, доставая карту из планшета, – Где склад?

* * *

К позиции гаубицы, выделенной подполковником для проверки моих слов, меня проводил командир дивизиона – старший лейтенант Бирюков, весьма скептически смотревший на пришедшего разведчика, пытающегося корчить из себя артиллериста.

– Товарищ старший лейтенант, – вытянулся перед Бирюковым командир расчета, – Орудие замаскировано и готово к стрельбе. По вашему приказу заканчиваем оборудование резервной позиции в трехстах метрах отсюда на опушке леса.

– Старший сержант, соберите расчет. Вы временно поступаете в распоряжение младшего лейтенанта Нагулина. Ровно на три выстрела из вашего орудия. Я тоже поприсутствую, но вмешиваться не буду. Выполняйте!

– Есть! – подчиненный Бирюкова развернулся ко мне, – Товарищ младший лейтенант, командир расчета гаубицы Б-4 старший сержант Ильин. Какие будут приказания?

– Для начала, старший сержант, покажите мне ваше орудие.

Минут за десять я облазил всю позицию, заглянул в ствол гаубицы, бегло просмотрел таблицу поправок, уточнил у старшего лейтенанта, есть ли в полку последние метеоданные, а потом отправился выбирать себе снаряды для стрельбы.

Когда я подошел к сложенным в ящиках под навесом зарядам и стал вынимать их по одному, взвешивая в руках, во взглядах сержанта и старлея плескалась сдержанная насмешка, смешанная с настороженностью.

– Вот эти, товарищ старший сержант, – отложил я в сторону выбранные заряды.

Следующей моей целью стали, собственно фугасные снаряды. Когда я подошел к ним, усмешка на лице лейтенанта стала чуть более явной – богатырским телосложением я не отличался, а весил снаряд сотню килограммов.

Я наклонился и приподнял снаряд, покачал его из стороны в сторону, повернул несколько раз вдоль оси, давая вычислителю возможность оценить распределение массы и пригодность боеприпаса для точной стрельбы. Краем глаза я наблюдал, как с лица лейтенанта сползает усмешка, а командир расчета уважительно покачивает головой.

Два снаряда я забраковал, а три выбранных расставил в стороне рядом с зарядами.

– Стрелять будете именно в этой последовательности, – повернулся я к старшему сержанту, – Заряжай!

Я выдал командиру расчета данные для установки прицела, угломера и уровня, артиллеристы заученными движениями зарядили гаубицу, и поршневой затвор басовито лязгнул, запирая канал ствола.

– Орудие к стрельбе готово! – доложил Ильин, отмотав метров двадцать веревки, привязанной к спусковой рукояти.

Мы с лейтенантом спускались в небольшой окоп, когда раздался зуммер установленного в нем полевого телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.